

## Александр Куприн — Сапсан: Рассказ

Мысли Сапсана о людях, животных, предметах и событиях

В. П. Приклонскому

Я Сапсан, большой и сильный пёс редкой породы, краснопесочной масти, четырёх лет от роду, и вешу около шести с половиной пудов. Прошлой весной в чужом огромном сарае, где нас, собак, было заперто немного больше, чем семь (дальше я не умею считать), мне повесили на шею тяжёлую жёлтую лепёшку, и все меня хвалили. Однако лепёшка ничем не пахла.

Я медеян! Друг Хозяина уверяет, что это название испорчено. Надо говорить «неделян». В глубокую старину для народа раз в неделю устраивалась потеха: срамливали медведей с собаками. Отсюда и слово. Мой прапращур Сапсан I, в присутствии грозного царя Иоанна IV, взяв медведя-стервятника «по месту» за горло, бросил его на землю, где он и был приколот корытничим. В честь и память его лучшие из моих предков носили имя Сапсана. Такой родословной могут похвастаться немногие жалованные графы. С представителями же древних человеческих фамилий меня сближает то, что кровь наша, по мнению знающих людей, голубого цвета. Название же Сапсан киргизское, и значит оно — ястреб.

Первое во всём мире существо — Хозяин. Я вовсе не раб его, даже не слуга и не сторож, как думают иные, а друг и покровитель. Люди, эти ходящие на задних лапах, голые, носящие чужие шкуры животные, до смешного неустойчивы, слабы, неловки и беззащитны, но зато они обладают каким-то непонятным для нас, чудесным и немного страшным могуществом, а больше всех — Хозяин. Я люблю в нём эту странную власть, а он ценит во мне силу, ловкость, отвагу и ум. Так мы и живём.

Хозяин честолюбив. Когда мы с ним идём рядом по улице — я у его правой ноги, — за нами всегда слышатся лестные замечания: «Вот так собачище... целый лев... какая чудная морда» и так далее. Ни одним движением я не даю Хозяину понять, что слышу эти похвалы и что знаю, к кому они относятся. Но я чувствую, как мне по невидимым нитям передаётся его смешная, наивная, гордая радость. Чудак. Пусть тешится. Мне он ещё милее со своими маленькими слабостями.

Я силен. Я сильнее всех собак на свете. Они это узнают ещё издали, по моему запаху, по виду, по взгляду. Я же на расстоянии вижу их души, лежащими передо мною на спинах, с лапами, поднятыми вверх. Строгие правила собачьего единоборства воспрещают мне прекрасную, благородную радость драки. А как иногда хочется!.. Впрочем, большой тигровый дог с соседней улицы совсем перестал выходить из дома после того, как я его проучил за невежливость. И я, проходя мимо забора, за которым он жил, уже не чую его запаха.

Люди не то. Они всегда давят слабого. Даже Хозяин, самый добрый из людей, иногда так бьёт — вовсе не громкими, но жестокими — словами других, маленьких и слабых, что мне становится стыдно и жалко. Я тихонько тычу его в руку носом, но он не понимает и отмахивается.

Мы, собаки, в смысле нервной восприимчивости в семь и ещё много раз тоньше людей. Людям, чтобы понимать друг друга, нужны внешние отличия, слова, изменения голоса, взгляды и прикосновения. Я же познаю их души просто, одним внутренним чутьём. Я чувствую тайными, неведомыми, дрожащими путями, как их души краснеют, бледнеют, трепещут, завидуют, любят, ненавидят. Когда Хозяина нет дома, я издали знаю: счастье или несчастье постигло его. И я радуюсь или грущу.

Говорят про нас: такая-то собака добра или же такая-то зла. Нет. Зол или добр, храбр или труслив, щедр или скуп, доверчив или скрытен бывает только человек. А по нему и собаки, живущие с ним под одной кровлей.

Я позволяю людям гладить себя. Но я предпочитаю, если мне протягивают сначала открытую ладонь. Лапу когтями вверх я не люблю. Многолетний собачий опыт учит, что в ней может таиться камень. (Меньшая дочка Хозяина, моя любимица, не умеет выговорить «камень», а говорит «кабин».) Камень — вещь, которая летит далеко, попадает метко и ударяет больно. Это я видел на других собаках. Понятно, в меня никто не осмелится швырнуть камнем!

Какие глупости говорят люди, будто бы собаки не выдерживают человеческого взгляда. Я могу глядеть в глаза Хозяина хоть целый вечер, не отрываясь. Но мы отводим глаза из чувства брезгливости. У большинства людей, даже у молодых, взгляд усталый, тупой и злой, точно у старых, больных, нервных, избалованных, хрипучих мосек. Зато у детей глаза чисты,

ясны и доверчивы. Когда дети ласкают меня, я с трудом удерживаюсь, чтобы не лизнуть кого-нибудь из них прямо в розовую мордочку. Но Хозяин не позволяет, а иногда даже погрозит плёткой. Почему? Не понимаю. Даже и у него есть свои странности.

О косточке. Кто же не знает, что это самая увлекательная вещь в мире. Жилки, хрящики, внутренность ноздреватая, вкусная, пропитанная мозгом. Над иным занимательным мосолком можно охотно потрудиться от завтрака до обеда. И я так думаю: кость — всегда кость, хотя бы самая подержанная, а следовательно, ею всегда не поздно позабавиться. И потому я зарываю её в землю в саду или на огороде. Кроме того, я размышляю: вот было на ней мясо и нет его; почему же, если его нет, ему снова не быть?

И если кто-нибудь — человек, кошка или собака — проходит мимо места, где она закопана, я сержусь и рычу. Вдруг догадаются? Но чаще я сам забываю место, и тогда долго бываю не в духе.

Хозяин велит мне уважать Хозяйку. И я уважаю. Но не люблю. У неё душа притворщицы и лгуны, маленькая-маленькая. И лицо у неё, если смотреть сбоку, очень похоже на куриное. Такое же озабоченное, тревожное и жестокое, с круглым недоверчивым глазом. Кроме того, от неё всегда прескверно пахнет чем-то острым, пряным, едким, удушливым, сладким — в семь раз хуже, чем от самых пахучих цветов. Когда я её сильно нанюхаюсь, то надолго теряю способность разбираться в других запахах. И всё чихаю.

Хуже её пахнет только один Серж. Хозяин зовёт его другом и любит. Хозяин мой, такой умный — часто бывает большим дураком. Я знаю, что Серж ненавидит Хозяина, боится его и завидует ему. А во мне Серж заискивает. Когда он протягивает ко мне издали руку, я чую, как от его пальцев идёт липкая, враждебная, трусливая дрожь. Я зарычу и отвернусь. Ни кости, ни сахара я от него никогда не приму. В то время, когда Хозяина нет дома, а Серж и Хозяйка обнимают друг друга передними лапами, я лежу на ковре и гляжу на них, пристально, не моргая. Он смеётся натянуто и говорит: «Сапсан так на нас смотрит, как будто всё понимает». Врёшь, я не всё понимаю в человеческих подлостях. Но я предчувствую всю сладость того момента, когда воля Хозяина толкнёт меня и я вцеплюсь всеми зубами в твою жирную икру. Арргрра... гхрр...

После Хозяина всех ближе моему собачьему сердцу «Маленькая» — так я зову Его дочку. Никому бы, кроме неё, я не простил, если бы вздумали таскать меня за хвост и за уши, садиться на меня верхом или запрягать в повозку. Но я всё терплю и повизгиваю, как трёхмесячный щенок. И радостно мне бывает по вечерам лежать неподвижно, когда она, набегавшись за день, вдруг задремлет на ковре, прикорнув головкой у меня на боку. И она, когда мы играем, тоже не обижается, если я иногда махну хвостом и свалю её на пол.

Иногда мы с нею развозимся, и она начинает хохотать. Я это очень люблю, но сам не умею. Тогда я прыгаю вверх всеми четырьмя лапами и лаю громко, как только могу. И меня обыкновенно вытаскивают за ошейник на улицу. Почему?

Летом был такой случай на даче. «Маленькая» ещё едва ходила и была препотешная. Мы гуляли втроём. Она, я и нянька. Вдруг все заметались — люди и животные. Посредине улицы мчалась собака, чёрная в белых пятнах, с опущенной головой, с висячим хвостом, вся в пыли и пене. Нянька убежала с визгом. «Маленькая» села на землю и запищала. Собака неслась прямо на нас. И от этого пса сразу повеяло на меня острым запахом безумия и беспредельно-бешеной злобы. Я задрожал от ужаса, но превозмог себя и загородил телом «Маленькую».

Это уж было не единоборство, а смерть одному из нас. Я сжался в комок, выждал краткий, точный миг и одним толчком опрокинул пёструю на землю. Потом поднял за шиворот на воздух и встряхнул. Она легла на землю без движения, такая плоская и совсем теперь не страшная.

Не люблю я лунных ночей, и мне нестерпимо хочется выть, когда я гляжу на небо. Мне кажется, что оттуда стережёт кто-то очень большой, больше самого Хозяина, тот, кого Хозяин так непонятно называет «Вечность» или иначе. Тогда я смутно предчувствую, что и моя жизнь когда-нибудь кончится, как кончается жизнь собак, жуков и растений. Придёт ли тогда, перед концом, ко мне Хозяин? — Я не знаю. Я бы очень этого хотел. Но даже если он и не придёт — моя последняя мысль всё-таки будет о нём.